

ДЕТЕКТИВЫ О ЖЕНЩИНЕ – ЦУНАМИ

Влада Ольховская

Хороший день,
чтобы
воскреснуть

Влада Ольховская
Хороший день,
чтобы воскреснуть
Серия «Агния Туманова. Детектив
с места событий», книга 11

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9363062
Хороший день, чтобы воскреснуть : [роман] / Влада Ольховская.:
Эксмо; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-79166-8

Аннотация

Бывшая известная спортсменка Эмилия Стрехова выходит на свободу из тюрьмы, где отсидела два года за зверское убийство человека, изнасиловавшего и убившего ее трехлетнего сына Тимура. Вернувшись в свою квартиру, она видит призрак погибшего сына, который требует от нее, чтобы она наказала его убийц, которых на самом деле было несколько. Вот только выяснить, кто они такие, вряд ли Эмилии под силу одной. За помощью она обращается к Даниилу Вербицкому, защищавшему ее в суде, и его жене Агнии...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	12
Глава 2	27
Глава 3	42
Глава 4	57
Глава 5	72
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Влада Ольховская

Хороший день, чтобы воскреснуть

© Ольховская В., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Пролог

Освобождение из тюрьмы не принесло той радости, которой следовало бы ожидать. Только апатию. Лия совершенно четко осознавала, что там, за этими стенами, забором и колючей проволокой ее давно уже никто не ждет.

Многие из заключенных ожидают этого дня, отсчитывают не то что месяцы – часы до освобождения. А потом улыбаются всем, даже тем, кого раньше терпеть не могли, прощаются и надеются больше сюда не вернуться. Потому что у ворот их уже встречают близкие... Да и тем, кого не встречают, тоже неплохо. Они вполне довольны всем, что имеют, и рады повеселиться всласть на свободе, где их больше никто не будет сдерживать.

У Лии всего этого не было. Она не представляла, как дальше будет жить. А главное – зачем? Ради кого? Все рухнуло в одночасье!

Прошное, полное побед и надежд, теперь казалось сном. Не может быть, чтобы у нее все было так хорошо! В последние годы чудеса случаются с другими, не с ней. Значит, и ее счастье можно считать иллюзией.

Но ведь она помнила все! Вспышки фотокамер и свой счастливый смех. Подъем на верхнюю ступеньку пьедестала и этот особенный тяжелый вес медали на шее. Маленький букетик цветов в руках и знакомая мелодия гимна. Это было

ради нее.

Одно счастье – такое, второе – еще более значимое. Уже не очевидное, зато предназначенное только для нее. Искристые детские глаза, в которых светится любовь к ней и в дни побед, и в моменты поражений. Радость, гордость, ее будущее – эти воспоминания перекрывались другими, кровавыми, которые въелись в нее как кислота.

Ее сын погиб. Лия до сих пор не понимала, почему не сошла с ума от горя, когда держала в руках холодное, окоченевшее уже тельце. А может, и сошла? Потому что в прошлом она не знала, что способна на убийство.

Но ведь он заслужил это, тот подонок! Он убил Тимура, Лия убила его. Она не сомневалась в том, что делает, готовилась долго, о неудаче даже не думала. А когда все произошло, не пыталась скрыться от полиции. Зачем? Ради чего ей скрываться? Свою жизнь она продумала ровно до того момента, как совершилась месть.

Потом были суд, приговор, тюрьма. Лия не знала, как ей умереть, а жить больше не умела. Она как будто спала наяву. Сокамерницы пытались поначалу цеплять ее, когда узнали, какая звезда к ним попала. Но быстро оставили в покое: почувствовали, что она странная. Да и по-человечески многие из них ее понимали.

Она убила того, кто изнасиловал и избил до смерти ее ребенка. Кровь за кровь. Принцип, близкий даже закоренелым уголовникам.

Лия не знала, куда ушло время. Годы проплыли мимо нее. Хотя и срок был небольшой: ее адвокат поработал на славу, женщина провела за решеткой чуть больше двух лет. Лия слышала, что друзья наняли ей очень хорошего адвоката. Впрочем, она с ним толком не общалась, она тогда мало говорила, и все больше по делу.

Друзья тоже исчезли. К моменту ее освобождения прошлое растаяло как дым, рядом не осталось никого. Или почти никого.

– Похудела совсем, – вздохнул Петр Семенович, забирая у нее сумку. – Ты уже закончила с документами? Можно ехать?

Лия кивнула. Она пыталась разжечь в себе благодарность, признательность к человеку, стоящему перед ней. Но ничего не было. Лишь пустота.

Ее бывший тренер тоже это заметил:

– Я смотрю, тебя до сих пор не отпустило. Понимаю... Это большое горе для матери. И не только для тебя, я сам Тимурчика без слез вспомнить не могу! Но... ты ведь свободна. Что произошло, то произошло, нужно как-то забывать.

– Я не могу его забыть, – тихо ответила Лия.

– Ты думаешь, он бы такого хотел? Чтобы мамка его живо себя хоронила? Брось! Я понимаю, тебе нужен период на адаптацию, все-таки тюрьма и освобождение из нее – это большой стресс... Ты не думала о том, чтобы пройти психологическую реабилитацию?

– Нет.

– А ты подумай, подумай! Я знаю одну очень хорошую частную клинику. Ты совсем молодая, нельзя тебе на себе крест ставить. Может, еще в спорт вернешься? Да хоть бы и ради него! У тебя еще семья будет, дети...

Она слушала его и не перебивала исключительно из вежливости. Он ведь не со зла такие глупости говорит, он на самом деле заботится о ней. Логику Петра Семеновича несложно было отследить и понять.

Но Лия четко ощущала: не получится у нее ни начать жизнь заново, ни вернуться в большой спорт, хотя раньше именно его она считала центром своей жизни. А теперь что-то бесконечно важное исчезло, совсем не осталось энергии, чтобы даже пытаться восстать, как тот феникс, из пепла.

Отчасти Лия приветствовала это онемение. Без него она и не представляла, что почувствует, вернувшись в свою квартиру. Это был *их* дом, а теперь – только ее. Там не будет ни голоса, ни шагов, ни новых рисунков на холодильнике... И страшнее всего – войти в его комнату, опустевшую и ненужную, как разоренное гнездо.

Петр Семенович еще пытался разговаривать, подбодрить ее, но понял, что у него ничего не получается. Он к таким ситуациям не привык, не знал, как подступиться, и чувствовалось, что ему неприятно от этого. Лия не хотела обижать тренера, ценила его заботу, но... эмоциональная пустота окутывала ее коконом. Она не видела выхода.

Он довез ее до дома, остановил машину у подъезда. В наступившей тишине было слышно, как мелкий дождь барабанит по лобовому стеклу.

– Хочешь, поднимусь туда с тобой? – предложил Петр Семенович.

– Не стоит.

– Я заезжал сюда иногда... Не часто, каюсь, но проверял, чтобы, не дай бог, кто не влез! Все хорошо, твоя квартира в порядке.

– Спасибо.

– И счета оплачены... Может, тебе продукты нужны?

– Я разберусь.

Она ничего не планировала наперед, но точно знала, что как-то справится. Ей ведь теперь много не нужно! А основные потребности удовлетворить несложно. Лия все ждала, что ответ придет сам собой: как жить дальше? Пока что достойных вариантов не придумывалось.

Тренеру она отказала не из вежливости, Лия действительно хотела пройти эту часть пути, самую трудную, в одиночку. Петр Семенович, должно быть, догадался об этом, потому что настаивать не стал. Он уехал, а она начала подниматься к себе.

Здесь все было знакомым и вместе с тем далеким, как изображение на старой фотографии. Детская площадка, куда она впервые рискнула вывести Тимура. Палисадник с цветами, ревностно охраняемый соседками с первого этажа. Вы-

сокие ступеньки лестницы, где «Мама, смотри, я через одну могу перепрыгнуть!»

От этих воспоминаний сердце сжималось, ныло, даже закаленное прежними испытаниями.

Наконец Лия дошла до своей квартиры. Внутри ее встретили духота, тишина и запах пыли. Тут никто не жил все эти годы... некому было жить. Прикрыв за собой входную дверь, она бросила сумку на пол и тяжело вздохнула.

Начать нужно с самого сложного. Опыт профессиональной спортсменки подсказывал, что это единственно правильный путь в любой ситуации. Зайти в его комнату, признать, что ее сын умер, и думать, как быть дальше. О самоубийстве Лия даже не помышляла, но и в то, что жизнь снова станет нормальной, не верила.

Она прошла к детской комнате, сделала паузу у двери, потом решительно шагнула внутрь.

И остолбенела.

Трехлетний мальчик сидел на краю кровати, беспечно болтая ногами, и смотрел в окно. Скупой осенний свет все равно не мог скрыть золотой блеск его кудряшек. Услышав ее шаги, мальчик повернулся к двери; огромные голубые глаза встретились с глазами Лии.

– Мама, – широко улыбнулся он, демонстрируя мелкие, молочные еще зубки.

– Тимур? – одними губами произнесла она.

Он был точно таким же, каким она помнила его... каким

видела последний раз в живом состоянии. Не измученный, растерзанный труп, который долго не могли забрать у нее полицейские, а живой любопытный мальчишка, которого она тем утром собрала в детский сад.

Такой же трехлетний, как и два с половиной года назад.

– Да, – кивнул он.

– Но... как?!

– Я решил вернуться. У меня ведь к тебе очень важный вопрос!

Лия не понимала, что происходит; должно быть, она бредит! Но все выглядело таким настоящим! Кроме, пожалуй, глаз ее сына... они стали не по годам взрослыми.

– Какой... какой вопрос, милый?

Тимур спрыгнул с кровати и подошел к ней, остановился всего в паре шагов.

– Я хотел узнать... почему живы те люди, что убили меня?

Глава 1

Кому нужен фитнес, когда в доме близнецы-трехлетки? Агния, конечно, иногда появлялась в спортивных клубах, но в основном по приглашению друзей. Вот и сейчас ей хватало поводов побегать.

Кто-то из сыновей обзавелся маркером для рисования по стеклу. Кто – Агния пока не знала, потому что убегали от нее оба, с писком, визгом и показательной паникой. А в доме уже почти не осталось чистых окон. Зная, что все равно получат, мальчишки отказывались идти на переговоры и ловкими темными зверьками носились по дому. Вот тут и поймешь, что просторный коттедж – это не всегда радость!

– Ярик! – крикнула Агния. – Лисенок! Я серьезно! Тому, кто сейчас выйдет и будет хорошим мальчиком, – амнистия!

Что такое амнистия – близнецы вряд ли знали, но у обоих было шkodливое настроение, и они старательно прятались от матери. Агния по-настоящему не злилась, ей было весело, но в воспитательных целях она не собиралась этого показывать.

Сейчас дом, семья, все то, что составляет смысл жизни, стало привычным. А ведь когда-то она и представить не могла, что будет так! Двигалась по течению и оказывалась в центре событий, к которым точно не стремилась.

В Москву Агния Туманова приехала строить карьеру, не больше. В ее родном городке фотографа, а тем более девуш-

ку, всерьез не воспринимали. То есть работать можно было и там – снимая семейные портреты на фоне натянутой на леску простыни. Но Агнии хотелось большего: учиться, расти, добиваться чего-то. Поэтому вопреки увещаниям родителей и здравому смыслу она собрала вещи и купила билет в столицу.

Здесь дела пошли на лад. Не сразу, со своими сложностями, но процесс с мертвой точки сдвинулся. Клиенты были довольны фотографиями, которые делала Агния, постепенно ее имя становилось известно и в рекламном бизнесе, и в индустрии моды.

А потом внезапно погибла модель, с которой она работала. Причем Агния оказалась последней, кто видел девушку живой. И только она заподозрила, что красавицу убили, – тогда как все вокруг были убеждены, что речь идет о суициде¹.

Разбираясь в обстоятельствах смерти модели, Агния впервые оказалась в этом доме. Тогда коттедж не был еще ни таким уютным, ни светлым. Девушке показалось, что она чуть ли не в логово чудовища попала! Окружение страхам способствовало.

Да и владелец коттеджа был под стать своему жилищу. Странный, холодный, мрачный, с непроницаемым взглядом, прямо как у рептилии! Именно таким было первое впечатление, произведенное на Агнию Даниилом Вербицким. Тогда

¹ Читайте об этом в книге В. Ольховской «Смерть в черном конвертике» (Издательство «Эксмо»).

она сразу пришла к выводу, что модель убил именно он.

Уже потом она узнала, что он был в принципе на это не способен. К моменту смерти той девушки Даниил был не первый год парализован. Это стало результатом аварии, построенной, как позже выяснилось, его дальней родственницей ради наследства.

Расследование смерти модели было завершено, но молодые люди продолжили общаться. Агния познакомилась с Вадимом – старым другом Даниила, который в прошлом был его официальным опекуном. Официально Вадим являлся начальником охраны в группе компаний Даниила. Неофициально – полноправным партнером и единственным доверенным лицом.

Вскоре Даниил согласился на очень опасную операцию и не прогадал. Постепенно к нему начала возвращаться способность двигаться. Агния не могла этому не радоваться, она уже предвкушала нормальную жизнь, которая наконец станет им доступна. Но... когда Даниил отправился на курс реабилитации, она вляпалась в очередное расследование.

Агнию и ее подругу, фотомodelь Жин-Жин, похитили для участия в шоу охоты на людей. По замыслу организаторов этого сомнительного развлечения, ни в чем не повинных жертв должны были убивать специально обученные охотники. Те, впрочем, тоже кровожадностью не отличались. Охотниками становились люди, прошедшие психологическую ломку и изуродованные физически. Их доводили

до такого состояния, что они всерьез считали себя животными.

Из той ловушки девушки не выбрались бы никогда, если бы на их сторону не перешел один из охотников, Белый Тигр². Он постепенно начал вспоминать свое прошлое, понял, что он тоже человек. Его помощь и своевременное вмешательство Вадима помогли всем троим спастись.

Белый Тигр прошел курс реабилитации, взял имя Андрей, через некоторое время они с Жин-Жин стали жить вместе. Первое время он работал личным охранником Даниила, постепенно дорос до уровня партнера, стал курировать иностранные филиалы корпорации.

А Вадима Агния тем временем познакомила со своей подругой Дашей. Точнее, знакомство состоялось само собой – когда Даша стала свидетельницей преступления, а Вадим вызвался помочь ей. О том, что между этими двумя может что-то возникнуть, Агния не подозревала, все-таки разница в возрасте существенная, да и ухажер у Даши на тот момент имелся.

Но чужая душа – потемки. Незаметно и для окружающих, и для самих себя Вадим и Даша сблизились. Их дочь Настя родилась через год после знакомства. Даниил считал это вдохновляющим поводом для шуток, учитывая, что до встречи с Дашей Вадим был убежденным холостяком и же-

² Читайте об этом в книге В. Ольховской «Улыбнитесь, в вас стреляют» (Издательство «Эксмо»).

ниться даже не собирався.

Знакомым казалось, что уж Агния и Даниил зарегистрируют отношения при первой же возможности. А они... расстались. Вспоминать об этом девушка не любила до сих пор. Она уехала из Москвы, чуть позже вернулась к родителям. А он ее нашел и там, чтобы больше уже не расставаться.

Правда, свадьба постоянно откладывалась по независящим от них причинам, большинство из которых были связаны с криминалом, к немалой печали Агнии. Но когда девушка получила серьезное ранение, Даниил отказался от дальнейшего ожидания, расписались они прямо в больнице³.

Потом расследований долгое время не было. Зато были Ярик и Лисенок. Так вышло, что осознанно Агния и Даниил детей не планировали, просто они однажды узнали, что маленькая жизнь уже зародилась. Когда обследование показало, что жизнь эта не одинока, Агния долго не могла поверить. Ей казалось невероятным, что внутри нее растет и развивается один ребенок. Но двое? Нет, это уже не грани фантастики!

Пошли месяцы без расследований, но с сомнениями, вопросами и новыми впечатлениями. Доходило даже до панических атак на тему «Я плохая мать». Дашка только смеялась и убеждала подругу, что все через это проходят.

Несмотря на тайные страхи и опасения Агнии, малыши

³ Читайте об этом в книге В. Ольховской «Не откладывай свадьбу на завтра» (Издательство «Эксмо»).

родились в срок и здоровыми. Все, что было связано с ними, становилось открытием. Но это не значит, что жизнь вне семьи перестала существовать. Агния по-прежнему занималась фотосъемкой, устраивала выставки, в последнее время ее стали все чаще приглашать на благотворительные мероприятия. Семья переехала за город; дом, в котором Даниил жил в худшие дни болезни, прошел через ремонт и стал гораздо гостеприимнее.

Однако с удивлением для себя Агния вдруг обнаружила, что скучает по расследованиям. Не до такой степени, чтобы все бросать и устраиваться в детективное агентство – до этого она еще не дошла. Но порой то, что в прошлом пугало, воспринималось с ностальгией.

Былые времена напомнили о себе, когда у семейства Вербицких появились новые соседи. Домик, в котором когда-то жила та самая убитая модель, приобрела молодая пара. Марк Азаров и Вика Сальери имели такой же «талант» к нахождению неприятностей, как и Агния.

А то и похуже! Потому что на опеке у Марка была его племянница, молоденькая девушка по имени Ева. На тонкого, воздушного ангела она была похожа лишь внешне. По сути своей это было совершенно уникальное существо, которое казалось Агнии то маленьким монстром, то инопланетянкой. И все потому, что Ева была сумасшедшей – в самом банальном смысле этого слова. Она родилась с патологией, которая, впрочем, не означала задержку развития. Иногда Ева даже

демонстрировала способности на грани гениальности, просто жила она в своем внутреннем мире, по своим же принципам и представлениям о добре и зле.

Агния знала, что не имеет права лезть в расследования. У нее ведь двое маленьких детей, а вдруг что случится? Но она все равно помогала друзьям, и не только ради их безопасности. Просто было в этом что-то особенное: анализ ситуации, поиск ответов и определенный риск. Если не пересекать грань разумного, то все это пьянило и не несло угрозы.

Теперь же Вика и Ева уехали. Вике предстояло возглавить международный отдел в частной клинике, расположенной в живописном лесу довольно далеко от столицы. Ева просто собиралась провести некоторое время в компании отца, а заодно и подлечить недавно сломанную руку. Марк пока оставался в Москве из-за работы, но в скором времени собирался присоединиться к девушкам.

Агния скучала. Не по ним, а вообще. Так получилось, что все сейчас были заняты. Жин-Жин лежала в больнице на сохранении, она до смерти боялась потерять первого ребенка. Даша с головой ушла в подготовку какого-то образовательного проекта, в ней все-таки проснулся увлеченный педагог. Агнии оставалось лишь проводить большую часть времени дома, с детьми. Это ее радовало, но иногда хотелось разнообразия.

«Надо устроить очередную выставку, – решила девушка. – Интересно, материалов у меня хватит или снимать дополни-

тельно придется?»

Она затаилась за дверным косяком, замерла, прислушиваясь к каждому шороху. Вскоре на пороге появилась маленькая тень: один из близнецов все-таки прятался в гостиной и теперь, когда мать затихла, решил проверить обстановку. Агния с легкостью подхватила на руки невысокую, еще по-детски пухлую фигурку, закружила. Ярик сначала возмущенно ойкнул, потом расхохотался.

Она всегда различала близнецов. Остальные справлялись с переменным успехом, даже Даниил, и требовали, чтобы она хотя бы одевала их по-разному. Агния уступать отказывалась, заявляя, что кому-то просто нужно развивать внимательность.

Как и следовало ожидать, смех одного близнеца привлек второго. Любопытный Лисенок выбрался из-под стола на кухне. Конечно же, маркер в потной ладонке сжимал именно он. Елисей Вербицкий в целом представлял собой квинт-эссенцию мелких пакостей и рос бандитом.

– Покатай! – потребовал он. – Меня!

– Только когда окна отмоешь! – заявила Агния.

– Нечестно!

– Честно!

– Почему?

– Потому что я мать. Что я сказала, то и честно! – отрезала она.

– Но его катаешь!

– Потому что Ярик на окнах не рисует!

При этом девушка сделала себе мысленную пометку на-помнить няне, чтобы та получше прятала все эти фломастеры, карандаши, маркеры и коробки пластилина. Потому что Агния хоть и поощряла творчество, но в определенных пределах.

Воспитательная беседа как раз была закончена, когда на улице сработали автоматические ворота. Выглянув в окно, Агния увидела, как во двор въезжает машина мужа. Она посмотрела на автомобиль, потом перевела взгляд на часы, нахмурилась. Безусловно, она была рада Даниилу, но знала и то, что он всегда очень четко планирует свой день. А тут – на два часа раньше!

Как только открылась входная дверь, близнецы мгновенно устремились в прихожую. Отца они обожали, тем более что он строгостью не отличался. Глядя, как они обнимают его, как он поднимает их на руки, двоих одновременно, Агния не могла не отметить, что с годами они становятся все больше похожи на Даниила. Две маленькие копии просто! Но цвет глаз – ее, и это уже, к счастью, не изменится.

Когда дети подустали от радостных визгов, к мужу подошла и она.

– Привет... А ты рано сегодня! Надеялся застать меня в пылких объятиях любовника?

– Именно так, поэтому начну-ка я с осмотра всех шкафов в доме, – усмехнулся Даниил. – Кстати, новые картины на

окнах я оценил. Кто у нас Пикассо?

– Ну кто... Лисенок! Вчера он, судя по разобранному телефону, был Да Винчи.

– Творческий ребенок. Эта штука хоть смывается или стекла придется менять?

– Должна смываться, не драматизируй, – Агния внимательно осмотрела маркер, изъятый у сына. – Точно, тут написано! Достаточно теплой воды. Так почему ты сегодня рано? Встреча сорвалась?

– Ничего существенного. Просто рано и все.

У них в семье не было принято так отвечать. Не потому что практиковался тотальный контроль. Скорее, наоборот – из уважения. Оба понимали, что партнер будет беспокоиться меньше, если знает все в подробностях. Предыдущие расследования научили их ценить спокойствие друг друга.

То, что Даниил ничего не пояснил сейчас, могло означать лишь одно: он не хотел говорить об этом при детях. Они хоть и маленькие, а уже многое понимают. Никогда не знаешь, что они запомнят и как интерпретируют услышанное!

Поэтому Агния поспешила отвести детей к гувернантке. Пожилая немка появилась в их доме благодаря Вике Сальери. Раньше Хельга следила за Евой, но когда та стала более самостоятельной, заскучала. Предложение позаботиться о мальчишках ей понравилось, с тех пор она жила в собственной комнате в доме Вербицких. Она отменно заботилась о детях, пусть и не теряла строгий вид, а уже любила

подопечных. Да и общение с ней пошло им на пользу: близнецы неплохо щебетали на немецком.

Оставив детей под присмотром, девушка вернулась на кухню, где ждал Даниил.

– Так что пошло не так? – спросила она, наполняя чайник очищенной водой.

– Я отменил встречу.

– Что особенного?

– Человек, с которым я хотел встретиться, об этой встрече даже не знал, – вздохнул Даниил. – Это бывший клиент... Точнее, клиентка. Я вел ее дело чуть больше двух лет назад.

О том, что Даниил – успешный адвокат, Агния узнала практически сразу после их знакомства. Он занимался и другими видами бизнеса, но в юриспруденции особенно преуспел. Тут и знания помогали, и живой ум, и умение сохранять абсолютно невозмутимое выражение лица. Его судебные разбирательства развлекали, каждое из них было вызовом его интеллекту, головоломкой, которую он хотел разгадать.

За всю жизнь Даниил проиграл только одно дело, и то «слил» намеренно. В остальных случаях он либо доказывал невиновность клиента, либо добивался минимального срока. Но со своими подопечными он общался очень осторожно, дружил с единицами. Загадочная клиентка, из-за которой он сейчас был очевидно расстроен, Агнию насторожила.

– Я ее знаю?

- Лично не знаешь, но можешь помнить. Я упоминал о ней, когда шло ее дело. Ее зовут Эмилия Стрехова.
- Спортсменка та? – уточнила девушка.
- Да. Бывшая олимпийская чемпионка по фристайлу.
- Да, что-то припоминаю...

Дело Стреховой было сложным и эмоциональным. Это был тот редкий случай, когда Даниил воспринял работу близко к сердцу, и Агния не могла осуждать его за это. Эмилия убила человека, который изнасиловал ее малолетнего сына. Ярику и Лисенку тогда не было и года, Даниил только-только привыкал к отцовским чувствам, поэтому прореагировал на все очень остро.

Он намеревался добиться полного оправдания Стреховой, но... помешала она сама. Женщина отказывалась подыгрывать ему, даже молчать в нужные моменты. Она вообще не реагировала на инструкции Даниила и пребывала в каком-то своем мире. На суде она все говорила честно и прямо заявила, что не раскаивается. Если бы у нее была возможность, она бы сделала это снова.

Вербицкий послал ее на медицинское освидетельствование, но Эмилию признали вменяемой. А она упорно продолжала свою суицидальную политику поведения. Так что о полном оправдании не шло и речи, даже то, что ей дали всего два с половиной года, да еще включили время, проведенное под стражей до суда, в этот срок, многие посчитали чудом.

Деньги, полученные за это дело, Даниил передал на благотворительность. Он не любил вспоминать тот суд, да и эмоционально восстанавливался бы долго, если бы не Ярик и Лисенок.

Но прошло время, все забылось... так казалось Агнии.

– Я не знала, что ты до сих пор думаешь о ней, – заметила она.

– Не пойми меня неправильно, нельзя сказать, что я думаю о ней постоянно или думал все эти годы. Но у меня записано, кто из моих клиентов когда освобождается. Их не так много сидит, так что можно и запомнить. Сегодня освободилась Стрехова. Я звонил в колонию, уточнил. Она уехала домой.

– Почему ты хотел навестить ее?

– Не знаю... По той же причине, по которой решил не навещать. Я хотел увидеть, вышла ли она из того состояния, в котором была тогда, на суде...

– Какого же?

– Коматозного, – пояснил Даниил. – Лучше я назвать это не могу. Меня не покидало ощущение, что она отстранена от реальности. То есть она все понимала и отвечала в тему... иногда даже слишком в тему! Но... как бы это лучше сказать... она как будто перестала хотеть жить.

– Ты боишься, что она попытается покончить с собой?

– Нет, не боюсь. Если она это не сделала в начале срока, то не сделает и теперь. Я просто... Пожалуй, надеялся уви-

деть, что она оправилась и готова к нормальной жизни. Я не считаю, что помог ей тогда, но если ей легче сейчас, может, я и сделал что-то правильно.

– Не говори так! – возмутилась Агния. – Ты ей очень помог! Если бы ее защищал кто-то другой, она бы села лет на двадцать!

– На двадцать бы не села, но получила бы побольше. Только знаешь, что? Не думаю, что это ее бы расстроило. Вот что меня добивает, в этом я ей не помог! Ей не важно было, сколько лет она получит, она вообще эмоции как будто потеряла все.

– С этим ты ей не поможешь, да и тогда не мог.

Ничего похожего на ревность Агния не испытывала – ни тогда, ни сейчас. Она понимала чувства мужа. Ясно, что нельзя проецировать чужое горе на свою семью, однако иногда иначе не получается.

Что пережила та женщина – не хотелось и представлять. А Даниилу пришлось об этом думать, изучать материалы дела, фотографии смотреть. Каким бы он опытным адвокатом ни был, он ведь тоже живой человек!

Агния теперь понимала, почему он не поехал. В глубине души Даниил уже знал, что ничего не изменилось. Может, чудо и произошло, и Эмилия снова ожила и стала бодрой оптимисткой. Но какова вероятность такого исхода?

Да один к миллиону! Вряд ли она оправилась, вряд ли вообще может. Поэтому разумнее всего будет оставить ее в по-

кое, не лезть в ее жизнь.

Агния подошла ближе, обняла мужа за плечи.

– Ты был прав во всем.

– Хотелось бы, – вздохнул Даниил. – Ладно... Какие-то лишние сантименты пошли! Старею, может?

– Даже не мечтай, до старости тебе еще как до Луны пешком! А об Эмилии этой просто не думай. Сына ты ей не вернешь, а только это и могло бы ее оживить.

– Пожалуй, ты права. Вроде бы ее кто-то встретил у тюрьмы, так что она уже не одна.

– Вот видишь! У тебя же есть правило абстрагиваться от жизни твоих клиентов. Знаю, это прозвучит жестоко с моей стороны, но... поступи так и на этот раз.

Даниил ненадолго закрыл глаза, словно собираясь с мыслями, потом мягко улыбнулся. Те, кто знал его только по работе, вряд ли поверили бы, что он на это способен.

– Ты права, спасибо... А теперь предлагаю пойти и проверить, отмывается этот маркер со стекол или все-таки производитель ввел нас в заблуждение!

Глава 2

Белый мишка с лентой на шее. Сначала он был просто талисманом на удачу, который Лия брала с собой на все тренировки и соревнования. Потом стал любимой игрушкой Тимура. Теперь же медвежонок одиноко стоял на полке, среди покрытых пылью книг и фотографий в рамках.

Выбросить его не поднималась рука. Поэтому Лия лишь грустно улыбнулась, протирая от пыли глаза-бусины.

– Мама!

От неожиданности дрогнула рука, и медвежонок полетел на пол. Лия тихо чертыхнулась и наклонилась, чтобы поднять его. Несмотря на то что голос донесся у нее из-за спины, она не собиралась оборачиваться.

– Уходи!

– Мама, почему ты прогоняешь меня?

– Потому что тебя нет! – Лия почувствовала, как слезы снова закипают на глазах. – Ты умер больше двух лет назад!

– Но я все равно здесь...

– Оставь меня в покое!

Его появление уже произвело неизгладимый эффект на нее. В тот момент, когда она увидела перед собой сына, кокон онемения, окружавший ее, треснул и рассыпался на мелкие осколки. Эмоции снова начали врываться в душу, рвали ее на куски, и перед этим потоком Лия оказалась бессильна.

Все навалилась сразу: боль потери, страх и горечь лет, проведенных в тюрьме, безнадежность, ненависть и много-много воспоминаний... Эти чувства придавили ее, как лавина. Она попыталась обнять мальчишку, но не смогла: он просто исчез.

Для Лии это было последней каплей. Она упала на пол там же, где и стояла – и где стоял он. Много часов подряд она не могла встать, как будто эти два года слезы накапливались и теперь вырвались наружу все сразу. Они ранили и очищали одновременно.

Когда она наконец пришла в себя, за окном было уже темно. Не хотелось ровным счетом ничего, но Лия все равно заставила себя двигаться: достала из шкафа чистые вещи, набрала ванную и долго отмокала. Она надеялась, что онемение вернется. Так на самом деле было проще: сомнамбулой продвигаться изо дня в день. Тогда не нужно ждать, надеяться и уж тем более не нужно возвращаться в прошлое.

Однако чувства все еще жили внутри нее, не собираясь затухать. Это плохо. Если все пойдет таким образом и дальше, ей однажды захочется полноценной жизни! А имеет ли она право на счастье, если не уберегла собственного ребенка?

Она не знала, почему Тимур вдруг явился ей – и уж тем более почему ее галлюцинация сказала такие странные слова! Лия решила, что это игры разума. В ее жизни в последнее время хватает причин для помешательства, пусть даже

временного!

А ночью он явился снова... Лия свернулась в постели и почти задремала, когда у окна возникла маленькая фигурка.

– Мама...

– Чего ты хочешь?! – крикнула она.

Но вовремя взяла себя под контроль. Не хватало еще привлечь внимание соседей! Тем более что мальчик вновь исчез, напрасно она всматривалась в темноту. Заснуть ей удалось ближе к рассвету.

Утром ей было необходимо чем-то занять себя. Когда есть дело, то проще сражаться с воспоминаниями. Лия сбегала в ближайший магазин, а потом занялась уборкой: квартира в этом остро нуждалась. Даже если друзья и тренер заезжали сюда, надолго они не оставались, заглядывали внутрь и все.

Но в этом запустении даже было что-то правильное. Было бы странно, если бы она вернулась в былой уют. Лие казалось, что чем-то она заслужила все это... весь этот ад.

Вскоре он снова начал появляться. То мелькал на границе зрения, то стоял рядом с ней. Но – никогда не прикасался к ней и не позволял Лие дотронуться до него. Женщина старалась игнорировать его из последних сил, однако иногда срывалась. Сколько она ни убеждала себя, что это всего лишь иллюзия, плод ее усталого воображения, этот Тимур был слишком реален.

Неумолимо реален даже.

Лия протерла полку и заботливо усадила туда поднятого с пола мишку, смогла улыбнуться. А потом снова началось:

– Мама, поговори со мной...

– Что? – Лия резко развернулась и уставилась на знакомое ангельское личико. Она знала, что не должна больше плакать, а остановиться не получалось. Он же как Тимур, совсем такой же! – Что тебе надо?

– Поговорить...

– Говори со своей мамой!

– Но ты моя мама... – прошептал мальчик. В сердце Лии болезненно кольнуло.

– Я не могу быть твоей мамой, мой сын умер! Его... его убили!

– Я знаю, – в голубых глазах мелькнуло сожаление. – Мне очень жаль, что я умер. Я знаю, что очень огорчил тебя этим.

Хотелось верить ему, но... Лия не позволила себе обмануться. Дело было даже не в том, что она держала на руках мертвого Тимура и то чувство не забудет никогда. Это... нечто... не могло быть даже призраком. Потому что ее трехлетний сын такой говорливостью не отличался. Он мог выдать пару мыслей, общался со взрослыми, но в рамках своего возраста.

А этот... этот мальчик, кем бы он ни был, свою речь отлично контролирует.

– Не приходи сюда больше, – сквозь слезы прошептала Лия.

Она отвернулась, чтобы приступить к протиранию полок. Он затих, а когда она украдкой попыталась рассмотреть его отражение в стекле одной из рамок, то обнаружила, что рядом с ней больше никого нет. На душе стало тяжелее... но это к лучшему сейчас. Лучше не быть с ним. Каждый раз, когда она видела его, ей казалось, что она уже сошла с ума, а терять рассудок окончательно не хотелось.

Хотя рассматривание старых фотографий тоже душевно-му спокойствию не способствовало. Лия обещала себе, что не будет присматриваться к ним, что протрет от пыли – и все, мыть полы на кухню! А не получилось.

Она всегда любила фотографии, причем бумажные – даже в эпоху цифровых. Для каждого снимка она бережно выбирала рамку, чтобы изображение всегда было перед глазами. В итоге здесь, на этих полках, собралась большая часть ее жизни, теперь уже оставшейся в прошлом. В той части жизни, которая была «до».

У нее теперь все делилось на «до» и «после».

Спортивные тренировки были в ее жизни всегда. Для рамок она выбрала всего несколько кадров. На черно-белом еще фото она катается на коньках... Ей это нравилось тогда. Ей было десять лет. В десять лет много что нравится. Да и родители восхищались: это же почти балерина, очень изящный и женственный вид спорта!

Когда она увлеклась фристайлом, они радоваться перестали. В дни соревнований в доме постоянно пахло валерьян-

кой, и запах этот не выветривался вплоть до возвращения Лии, живой и невредимой. Вот тут видно, что на семейном фото, где она показывает первую медаль, родители улыбаются как-то натянуто, без особого восторга.

А ее никогда не смущало, что этот вид спорта считается одним из самых опасных. Она об этом вообще не думала! Лия знала, что многие получают травмы, а кто-то даже умирает. Да что там «многие», ее приятельница на всю жизнь калекой осталась! Лия сочувствовала ей, исправно навещала в больнице, но на себя эту судьбу не примеряла.

Да и как она могла отказаться от этого? Это же полет! В фигурном катании есть грация, даже скорость есть, но то чувство полета, когда ты отрываешься от земли и на несколько секунд гравитация перестает существовать... Такое давал только фристайл. Для Лии то особенное чувство, когда она летела через пространство, было сильнее любого наркотика. Если за это нужно умереть... она готова была принять и такую судьбу, хотя никогда не говорила об этом родителям.

Единственным человеком, который полностью понимал ее и разделял ее увлечение, был ее второй тренер. Первый все-таки поддался на уговоры родителей, и когда Лия упала и ушибла ребра, начал мягко уговаривать ее одуматься и уйти из спорта. Зачем? Все равно особым талантом она не отличается, многого не добьется, к чему рисковать?

Лия обиделась и решила уйти – но не из спорта, а от тренера. Тогда она и познакомилась с Петром Семеновичем, са-

ма попросилась в его команду. Тренировки под его руководством были гораздо более утомительными и жесткими, но они дали результат. Лия вспомнила об этом, глядя на свое первое фото с международного пьедестала. Кубок Европы... Тогда казалось – чудо, а потом выяснилось, что только начало.

Медалей скапливалось все больше, добавились кубки. Дома Лия почти не бывала, с одного соревнования отправлялась на другое, а когда соревнований не было, разъезжала по сборам и тренировкам. Родные возмущались, а она наслаждалась такой жизнью: напряженной, активной, но уж точно не скучной. Дни проносились мимо нее с космической скоростью, а она радовалась каждому из них. Если не было возможности тренироваться, она искренне расстраивалась.

Тренер не мог на нее нарадоваться. Потому что многие другие спортсменки, даже перспективные, не демонстрировали такого же фанатизма. Они старались совмещать спортивную карьеру и личную жизнь. А для Лии спорт и был всей жизнью, после того, как она научилась летать, ходить ей стало скучно. Даже фристайлистки считали ее странной.

Но года шли, а с ними появилось ноющее чувство тоски. Сначала – незаметное, всего лишь червоточина на фоне общего счастья. Однако постепенно оно увеличивалось. Петр Семенович готовил ее, уже действующую чемпионку, ко второй олимпиаде, и Лия знала, что думать надо только об этом. Но становилось как-то одиноко, все чаще мучила бессонни-

ца. Девушка чувствовала, что в ее жизни не хватает чего-то важного, а чего — сама сказать не могла.

Потом она познакомилась с ним. С Кириллом. Глядя на общую фотографию с тех сборов, на которых они встретились, Лия до сих пор не понимала, почему не выбросила этот снимок. Другие изображения Кирилла она хранить не стала, давно уже сожгла. А тогда... Тогда все было здорово.

Он тоже занимался фристайлом. Энтузиазма Лии не разделял, да и успехов особых не делал, но на какие-то соревнования ездил и худшим не был. А главное, он все время оказывался рядом с девушкой. Уделял внимание только ей, подарил ей первый в ее жизни незавоеванный букет цветов.

А Лия наконец поняла, чего ей не хватало. Вот этого! Она настолько увлеклась спортом, что у нее не было ни робких школьных свиданий, ни серьезных романов. Даже если рядом с ней появлялись поклонники, она их просто не замечала. Но Кирилла заметила, решила, что это судьба, и со всей присущей ей эмоциональностью погрузилась в эти отношения — как в омут с головой. Лия вообще никогда себя не сдерживала, если что-то делала, то с полной самоотдачей.

Тренер пытался урезонить ее, напоминал про олимпиаду. Бесполезно. Петр Семенович делал основную ставку на то, что скоро влюбленные разъедутся, и его звездная воспитанница придет в себя. Если бы! И она, и Кирилл оказались из Москвы, они очень быстро нашли друг друга в мегаполисе.

Для Лии первым был не только букет цветов. Первая про-

гулка по ночному городу, первый поцелуй – и первая ночь вне дома. Она наслаждалась всем этим, приветствовала перемены в своей жизни, хотя и про спорт не забывала; только это утешало ее тренера.

Сказка кончилась так банально, что Лия долгое время не могла поверить в это. Кирилл исчез, когда узнал, что она беременна. Он бросил ее. Как тысячи мужчин бросают тысячи женщин. Но она-то не была одной из тысяч, она была особенной! Ее имя знали по всему миру, она даже какой-то рекорд побила! Вот только Лия с горечью обнаружила, что в любви это не имеет никакого значения. Кирилл был младше ее на год, ему только-только исполнилось двадцать два. Он заявил, что не готов ни к серьезным отношениям, ни тем более к ребенку.

Да и Лия сомневалась, что способна стать матерью. Она была в шаге от того, чтобы избавиться от ребенка, как ей советовали тренер и Кирилл. Однако в тот период в автокатастрофе погиб ее отец. Чтобы как-то заглушить боль, Лия сосредоточилась на любви к маленькой, только разгорающейся внутри нее жизни. Еще не проходя никаких обследований, она почувствовала, что у нее обязательно родится сын, которого она непременно назовет в честь погибшего отца.

Так и случилось.

Она не ожидала, что так полюбит этого ребенка, но все получилось естественно, само собой. Если девять месяцев беременности она рыдала в подушку каждый раз, когда вспо-

минала Кирилла, то теперь это прошло. Бывший возлюбленный остался за закрытой дверью вчерашнего дня. Лия больше не узнавала у общих знакомых, где он, как он, встречается ли с кем-то, она и не догадывалась, как сложилась его жизнь – она его просто отпустила.

Потому что Тимур дал ей новый вид любви. Первые месяцы она просто дышала им, ей казалось, что вот оно – совершенство. Когда ее руки касались крохотные розовые пальчики, сердце девушки таяло от нежности. То, что Тимур родился слабым и болезненным, ее не смущало. Лия исправно выполняла все рекомендации врачей и постепенно выходила младенца – угроза его жизни отпала.

При этом прежняя страсть тоже давала о себе знать. Спустя полгода после родов Лия начала тренироваться дома и очень быстро вернулась в прежнюю форму. Ночами ей снились полеты, аплодирующая толпа, фотовспышки и букеты цветов. Иногда она даже просыпалась в слезах... Когда Тимуру исполнился год, она позвонила Петру Семеновичу.

Никто не верил, что она сможет вернуться в большой спорт. Мать старательно отговаривала ее от этого, напоминала, что она теперь не одна, не сама по себе – ребенку нужна мать, а Лия рискует оставить кроху сиротой. Но девушка никого не слушала. Она ощущала в себе знакомую уверенность: она сможет, должна.

Тренер снова поверил ей, оказалось, что не зря. Спустя полтора года она сделала невозможное: получила второе

олимпийское золото. Уже как молодая мама. Многие журналы потом спешили опубликовать снимки, где Лия надевала золотую медаль на шею маленькому сыну.

Теперь она проводила с Тимуром не так много времени, как раньше, но и полностью от общения с ребенком не отказалась. Мальчик бывал и на тренировках, и на некоторых соревнованиях, познакомился с Петром Семеновичем, другими тренерами и спортсменами. Те в шутку говорили: новый чемпион растет! Лия в этом сильно сомневалась, потому что Тимур, хоть и стал болеть меньше, крепким здоровьем похвастаться не мог. Зато рос красавчиком, прямо как его отец, и вполне мог надеяться на актерскую карьеру.

Когда Лия не могла брать сына с собой, дни мальчик проводил в частном детском саду, а на ночь его забирала мать Лии, которая все еще не вышла на пенсию, зато с внуком возиться любила. Все было налажено, казалось, что уж теперь жизнь пошла как надо! Мужчины в судьбе Лии по-прежнему не было, но тоска больше не возвращалась. Тимур позволял реализоваться всей той потребности в любви, которую испытывала молодая девушка.

А потом грянул гром. Только так Лия могла описать случившееся.

В один день, который Лия никак не могла назвать прекрасным, ее мать пришла в садик... и не нашла там внука. Воспитатели растерянно разводили руками: они помнили, что Тимур вышел на прогулку вместе с остальными. Долж-

но быть, спрятался куда-то! Дети так делают. Его искали не один час... не нашли. Воспитательница сама позвонила в полицию, мать – Лие. Та была в Москве, жила в медицинском центре, где проходила обследование. Узнав о случившемся, она сразу же бросилась домой.

Уже тогда возникла дымка, внутреннее оцепенение. Лия никак не могла поверить, что такое могло произойти с ней – и с ее сыном. Она не выпускала из рук телефон, почти не разговаривала с окружающими, не отличала день от ночи. Время для нее двигалось по какой-то странной спирали: то ускорялось, то еле-еле ползло.

Она просила позвонить ей, когда хоть что-то станет известно. Желая заслужить благодарность звезды, молодой оперативник сообщил ей, что в заброшенном здании нашли мальчика, по описанию похожего на Тимура. И вроде бы ребенок жив! Более опытный следователь, который вел это дело, не собирался говорить Лие о таких вещах, знал, что это очень рискованно, а вот о выходе коллеги даже не подозревал.

Лия добралась до места преступления раньше следователя. Прорвалась через оцепление – чемпионку по фристайлу не так просто удержать, да не все и пытались. Так она увидела тело Тимура... узнала его сразу, и дальше память отключилась. Увозили ее уже на «Скорой».

От тех дней – а дней этих было много! – в памяти остались лишь неясные обрывки. Лия даже не помнила, кто сказал ей,

что убийца найден. Вроде бы мама.

Тимура похитил рецидивист – молодой человек, который еще несовершеннолетним был уличен в похожем преступлении. Да и теперь его подозревали в надругательстве над малолетними, только доказательств собрать не могли. Зато сейчас он засветился: на теле Тимура нашли следы биологических материалов, проводились тесты.

Лие никакие тесты были не нужны. Впервые встретившись с преступником, она поняла: это он. Она увидела это в его глазах, наглых, самодовольных. Даже попавшись, он ни о чем не сожалел. Девушке хотелось броситься на него, растерзать на месте... Она сдержала себя.

С того момента Лия перестала себя узнавать. Раньше она никогда ни на кого даже руку не подняла! Теперь же в ее голове складывался предельно четкий план убийства. Она знала, что шанс у нее будет всего один: пока подозреваемого отпустили под подписку о невыезде, но если тесты подтвердят, что это был он, его закроют.

Ее это не устраивало. Слухи о том, как жестко обращаются на зоне с педофилами, тоже не успокаивали. Лия не хотела, чтобы человек, сотворивший такое с ее сыном – и, возможно, с другими мальчишками, – жил. Он ведь уже не исправится! Даже если ему дадут срок, он рано или поздно выйдет на свободу и будет делать то же самое.

Она все сделала, как и задумала. Пришла к нему домой; он узнал ее, открыл дверь и сам впустил. Должно быть, он

ожидал, что она будет рыдать и спрашивать его, за что – за что ей это? Никакой угрозы от молодой матери своей жертвы он не ожидал.

Напрасно. Лие от природы досталась худощавая комплекция, даже развитые мышцы в ее случае не достигали культуристских размеров. Но силы девушке было не занимать, большой спорт требует этого. Фристайл – это когда владеешь всем телом, иначе не победишь. Педофил, напротив, спортивной подготовкой не отличался. Тощий, среднего роста, никакого грозного впечатления он не производил. Его сил, естественно, хватало на то, чтобы справиться с маленьким ребенком – но не более того.

Он как ни в чем не бывало заявил, что тесты им не помогут, они ничего не докажут. Лия даже слушать не стала. Сразу ударила. Он потерял сознание, а это дало ей время, чтобы подготовиться к казни...

Когда все было кончено, она сама вызвала полицию, дождалась их в его доме, ничего не отрицала и не скрывала. Тогда онемение уже действовало в полную силу. Убив педофила, она почувствовала себя опустошенной. Месть была единственным, что давало ее существованию хоть какой-то смысл...

– Мама...

Снова появился. На этот раз в коридоре.

– Что тебе надо? Даже если это ты и я твоя мама, это ничего не меняет! Он мертв! Тот, кто убил тебя, мертв!

В этом Лия не сомневалась — как и в том, что не ошиблась. На ее суде упоминалось, что тесты все доказали. Тот, кого она убила, действительно надругался над Тимуром и избил его. Мальчик умер от разрыва внутренних органов и обширной кровопотери. Лия не была медицинским экспертом, но подозревала, что это долгая и мучительная смерть.

Так что не о чем ей жалеть! То, что она сделала, было ее долгом. Она это понимала, адвокат, судья... даже уголовники на зоне понимали. Но против закона не пойдешь. Лия не сожалела о том, что попала в тюрьму. Ей отныне было все равно, где находиться.

Она получила заслуженное наказание, выстрадала все! Тогда почему это проклятое видение, так дьявольски похожее на Тимура, не оставляет ее в покое?!

Ее выкрик несколько не повлиял на мальчишку. Он остался спокоен, продолжая смотреть на нее ясными глазами:

— Ты убила одного, мама. Но еще двоим ты позволила уйти.

Глава 3

Ни один тренер не забывал упомянуть, что «для матери двоих детей у вас такая замечательная фигура!» Агния не знала, верить таким комплиментам или нет, ведь после этого шел намек, что это все благодаря спортзалу, в который необходимо ходить как можно чаще – и желательно к этому конкретному тренеру. На всякий случай, она благодарила всех.

Им не нужно было так очевидно стараться. Она бы все равно ходила в зал, даже без этих лестных зазывов. Ей просто нравилось, помогало снять напряжение. А этот зал она выбрала лишь потому, что он был близок к мастерской, где распечатывались и обрамлялись ее снимки для выставки. Никакой системности в ее визитах не было, скорее она посещала зал по настроению.

В мастерскую Агния сегодня уже заглянула, потом – в спортзал. Девушка подумывала о том, чтобы прогуляться по городу, но, выйдя в холл, обнаружила, что на улице идет проливной дождь. Как нужно угадать что-то пакостное, так синоптики никогда не ошибаются! Значит, прогулка откладывается на неопределенный срок.

– Из одного душа в другой, – шутливо пожаловалась Агния, оплачивая абонемент. – Скоро уплывать от вас будут на каноэ... У вас есть парковка для каноэ?

– Нет, но где-нибудь пристроим, к нам и на лошади один

раз приезжали, – с абсолютно серьезным видом отозвалась администратор. – Агния Николаевна, пока вы тренировались, вас искали...

– Можно без отчества, оно меня старит. Кто меня искал?

Самому заявлению Агния не удивилась. В мастерской знали, что она отправляется на фитнес, могли и последовать за ней, потому что телефон она благополучно забыла дома.

– Вон та девушка, – администратор указала в сторону разноцветных диванчиков, установленных в холле. – Мне она не показалась подозрительной, поэтому я попросила ее дожидаться тут. Но если вы не хотите с ней общаться, только скажите, наша охрана проводит вас до машины.

– Не стоит, я сама справлюсь со всем! Что опасного в девушке?

Здесь Агния несколько кривила душой: в прошлом как раз девушка чуть не отправила ее на тот свет. Но администратору фитнес-клуба об этом знать не обязательно!

Она направилась в сторону диванчиков. Там ее уже ждала незнакомка: Агния была уверена, что прежде они не пересекались; при этом лицо девушки показалось ей смутно знакомым. Странное сочетание, которое пока разъяснить не удалось.

Увидев ее, незнакомка поднялась, нервно улыбнулась. Перед Агнией стояла молодая женщина – лет тридцати, не больше. Невысокая, подтянутая, с коротко стриженными темными волосами и голубыми глазами, подчеркивающими

благородный фарфоровый оттенок кожи. Она была миловидной, но не вызывающе красивой, так что это вряд ли одна из моделей, с которыми Агния работала в прошлом, на это еще и маленький рост указывает. Тогда кто же это – вот вопрос!

– Добрый день, – кивнула ей Агния. – Мне сказали, что вы меня ищете.

– Да... Если вы – Агния Вербицкая.

– Все верно.

– Меня зовут Эмилия Стрехова, – представилась девушка. – Ваш муж недавно защищал меня в суде. То есть... не недавно. Два с половиной года назад.

Всех клиентов мужа Агния не то что не помнила – не знала. Но случай с Эмилией был исключением. Даниил уже тогда, во время суда, много говорил о ней, а пару дней назад снова упомянул.

Но ведь тогда они закрыли тему! Даниил решил, что не будет беспокоить спортсменку понапрасну, а Агния не имела к тому делу никакого отношения. Как это вообще понимать?

Заметив ее реакцию, Эмилия поспешила добавить:

– Я понимаю, что вы меня не ждали... Может, и у меня нет права вот так к вам обращаться. Но мне просто больше не к кому пойти. Понимаете, мне очень нужна помощь вашего мужа.

– Так ему и позвоните! Хотите, я дам его телефон?

– У меня есть телефон... Еще с тех времен. Я уже звонила

Даниилу Владиславовичу, но... он сказал, что не будет помогать мне. А без него я не справлюсь, мне больше не к кому обратиться! Поэтому я решила поговорить с вами.

Даниил отказал ей? После того как сам недавно рвался помочь и сетовал, что не может? Уже любопытно! Агнии хотелось узнать, что там за просьба такая...

Но не в фитнес-клубе же это делать!

– Давайте вон туда пройдем, – Агния кивнула на залитую дождем улицу. – Через дорогу есть очень хорошая кофейня.

– Хорошо... Я знаю, что вы меня не ждали, да и у меня не было права приходить, но... Поймите, для меня это очень важно!

Она говорила тихо, в глаза старалась не смотреть. Агния прекрасно помнила историю этой женщины. Видимо, в жизни на воле у нее что-то пошло не так... Но почему тогда Даниил не стал помогать ей?

Пока они шли к кофейне, Агния вспомнила, где видела ее раньше. На обложках журналов. Причем как спортивных, как и гламурных. Агния тогда только начинала карьеру, и за тенденциями в фотографии следила, поэтому ни одну обложку из виду не упускала. Очаровательная «Белоснежка» Эмилия обращала на себя внимание.

На некоторых обложках она была с сыном. Но вспомнить лицо мальчика Агния не могла, как ни старалась.

Дождь распугал гуляющих, поэтому кофейня пустовала. Девушки без труда нашли столик у самого окна, где мож-

но было наблюдать за серыми водопадами, стекающими по стеклу.

– Извините, что так нагло вторгаюсь в ваше личное пространство, – вздохнула Эмилия. Ее тонкие пальцы осторожно касались чашки из белого фарфора.

– Пустяки, я фотограф, у меня личное пространство – на вес золота!

Агния надеялась, что шутка поможет разрядить атмосферу и упростить диалог. Бесплезно. Чувствовалось, что Эмилию что-то сильно беспокоит.

– Чего вы хотели от Даниила? – уточнила Агния.

– Я... я хотела поговорить с ним об убийстве моего сына.

Она произнесла это тихо, еле слышно, и чувствовалось, что даже сейчас сама мысль о смерти ребенка доставляет ей боль. Чтобы она решилась говорить об этом, даже захотела говорить, нужны были уникальные обстоятельства!

– Но почему с Даниилом? – поразила Агния. – Он же не имеет прямого отношения к расследованию смерти вашего сына!

– Да, я знаю. Но мне нужен был человек, способный получить все детали... Человек, у которого может быть доступ к документам. Мне когда-то что-то показывали... Но это было еще до суда. Я, честно, не помню многое из того, что произошло тогда. Нужен человек, который имеет доступ к таким вещам. А я никого из таких людей и не знаю толком, кроме Даниила Владиславовича...

– Так он вам и не нужен в этой ситуации! Всю информацию вам должны предоставить по первому запросу, вы же мать пострадавшего!

– Вы шутите, да? – укоризненно посмотрела на нее Эмилия. – Следовательно, который вел это дело, уволился. Мне сказали, что из архивов ничего поднимать не будут. Только по письменному запросу, но... я боюсь, что даже по письменному запросу мне не предоставят то, что я ищу.

– А вы ищите что-то конкретное?

– Да. Я... Мне нужно заключение судмедэксперта. Результаты вскрытия...

Эмилия ненадолго прикрыла глаза, словно отгоняя неприятные воспоминания. Это для Агнии в подобных делах «жертва» была неким безликим человеком, незнакомым, а потому не воспринимавшимся на уровне эмоций. Ее собеседница говорила о собственном сыне, и явно ведь она хочет ознакомиться с результатами вскрытия не ради удовольствия!

– Вы об этом просили Даниила?

– Да.

– И он отказал вам? – удивилась Агния. – Почему? Это на него не похоже!

У Даниила хватало связей и авторитета, чтобы получить подобный документ после одного щелчка пальцев. Вот она, легкая помощь его необычной клиентке! Почему он этого не сделал?!

Эмилия пояснила:

– Даниил Владиславович сказал, что мне не нужно это видеть, вообще лезть в это. Он заявил, что это может замедлить мое возвращение к нормальной жизни... Но как я могу вообще вернуться к нормальной жизни, не зная всех ответов?!

– Так, стоп, подождите! Что значит «лезть в это»? Зачем вам понадобилось заключение эксперта? Я думала, дело вашего сына закрыто, а виновный...

Агния запнулась, не зная, как такое вслух произнести. Эмилия подобных сложностей не испытывала:

– Виновный мертв, я знаю. Все, что вы сказали, я слышала... У меня есть основания предполагать, что расследование где-то допустило ошибку.

– Вы боитесь, что убили невиновного человека?

Вот это был бы неприятный поворот! И снова Эмилия даже не дрогнула:

– Нет, в том, что Сумин был виновен, я не сомневаюсь. Я это... я это почувствовала, понимаете? Когда он погиб. Но у меня появились основания полагать, что он был не единственным, кто напал на моего сына. А других обвиняемых не было! Что, если кому-то удалось уйти безнаказанным?!

– Не думаю, что такое возможно, – покачала головой Агния. – С чего вы взяли, что убийца был не один?

Теперь уже Эмилия с ответом не торопилась. Она отвернулась к окну и пару минут просто разглядывала капли дождя, скользящие по стеклу. Агния не торопила ее, чувствуя,

что сейчас прозвучит нечто важное.

– Я вам скажу, да только... Вы, скорее всего, не поверите мне. Ваше право, я бы тоже не поверила.

– А вы попробуйте, может, я поверю! – посоветовала Агния.

– Я и пробую. Тимур... с недавних пор он снится мне. Приходит и говорит, что убийц было трое, а наказание получил только один. Я пыталась игнорировать это, но один и тот же сон повторяется каждую ночь. Я... я хочу посмотреть на результат экспертизы, убедиться, что там все четко прописано и это лишь игра моего воображения... Мне это нужно, понимаете! Даниил Владиславович думает, что мне от этого хуже станет. Но я не успокоюсь, если не буду знать! Поэтому я пришла к вам. У вас ведь тоже дети... вы меня должны понять!

Понимать такую ситуацию на примере собственных детей Агния не хотела, а вот Эмилии сочувствовала. Логика мужа тоже была ей ясна, однако Даниил мог бы и не упрямиться! В том, чтобы показать ей эти документы, нет ничего сложного!

Или она чего-то не знает?

– Я поговорю с ним, – заверила свою собеседницу Агния. – Но ничего не обещаю.

– Спасибо! – Эмилия торопливо схватила рекламную листовку, лежащую на столе, и написала на ней свой номер. – Позвоните мне, пожалуйста, независимо от его отве-

та. Я хоть буду знать, чего ожидать!

– Хорошо, я позвоню...

Когда они выходили из кофейни, дождь чуть затих. Эмилия быстро попрощалась и скрылась в толпе. Агния же направилась к своей машине.

Домой она ехала со смешанными чувствами. Она могла отстраненно скучать по расследованиям – в теории. На практике же она не хотела сталкиваться ни с чем подобным. Понятно, что в мире живут разные люди, моральные уроды в том числе. Но от напоминания, насколько они близко к тебе и твоим детям, становится жутко.

В этот день они с Даниилом приехали домой одновременно, он на пару минут раньше ее – это Агния поняла по тому, что супруг еще не успел даже разуться.

– Ты сегодня поздно! – отметил он. – Надеюсь, ничего не случилось?

– Случилось, но не плохое. Меня догнала твоя отмененная встреча.

– В смысле?

– Помнишь, пару дней назад ты вернулся домой раньше, потому что решил не ехать на встречу? Ну, сегодня я пришла позже, потому что как раз сидела на этой встрече. Я сегодня говорила с Эмилией Стреховой.

– Каким образом она тебя нашла?

С его стороны это был наивный вопрос, который можно было списать разве что на удивление. Конечно, звездами

первой величины Агния и Даниил не были, но в своих сферах деятельности преуспели. С тех пор как стали организовываться ее персональные выставки, Агния все чаще появлялась по другую сторону объектива. Определить, кем они приходится друг другу, несложно по общей фамилии.

Другой вопрос – как Эмилия выяснила, что Агния будет в фитнес-клубе... Но и это можно узнать разными способами, начиная с правильного вопроса, заданного в мастерской. Эмилия была одета со вкусом, в дорогие вещи, и впечатление бродяги не производила.

Это, конечно, навевало мысли о сохранности личной информации, но сейчас было не до того.

– Почему ты не помог ей? – спросила Агния.

– Потому что она мне симпатична.

– Э-э... тебе не кажется, что ты сам себе противоречишь?

– Не кажется, – отозвался Даниил.

– Кажется! – вдохновенно повторил Лисенок.

Близнецы привычно кружили вокруг вернувшихся родителей, и беседа об Эмили перенеслась сама собой. Вернуться к этой теме удалось лишь через час, когда Ярик и Лисенок были переданы под строгий присмотр Хельги.

К этому моменту Даниил несколько отдохнул, успокоился и на расспросы о бывшей клиентке реагировал уже спокойней.

– Следовало ожидать, что она будет в сложном положении после освобождения, – рассуждал он. – Эмилия – не реци-

дивистка со стажем и даже не совсем обычная преступница. Для нее смерть сына и тюрьма стали серьезной травмой. Я посылал ее на медицинское освидетельствование не ради того, чтобы отменить приговор. Я действительно предполагал, что она могла заработать серьезное психическое расстройство. Врачи признали ее вменяемой, но меня предупредили, что у нее пограничное состояние.

– И что? Она же не просит откопать труп этого педофила, чтобы станцевать на его костях? По-моему, у нее очень логичная просьба!

– Огонек, плохо уже то, что она не отпускает это дело, продолжает жить им. Ей бы оправиться и начать все заново. Сейчас самое время! А что мы имеем вместо этого? Эмилия неспособна адаптироваться, поэтому она делает шаг назад, решая, что есть еще убийцы, которых она упустила. Ведь это заявление из пустоты, никаких оснований так думать нет! Она даже не смогла объяснить мне, что привело ее к этому сомнительному выводу.

Похоже, про свой сон Эмилия ему не упоминала. Да оно и понятно! Тема весьма неоднозначная. Скорее всего, она и Агнии рассказала правду только в качестве крайней меры, ведь других вариантов у нее не было.

Сейчас Агния могла бы передать ее слова Даниилу – и заранее понимала, что ни к чему это не приведет. Ее супруг не был склонен к мистицизму. Явившийся во сне ребенок не произведет на него никакого впечатления.

Агния и сама не бралась утверждать, что верит в такие «предзнаменования». Ей просто не хотелось оставлять Эмилию один на один с этим горем.

– А ты уверен, что у нее нет оснований реально подозревать кого-то?

– Уверен, – без тени раздражения подтвердил Даниил. – Убийца был один. Имя его я не помню, но помню, что он и раньше нарывался... Я считаю, что Эмилия поступила с ним правильно, он заслужил это. Но больше никому мстить не надо! Когда я готовился к ее суду, я читал материалы дела ее сына.

– В том числе заключение эксперта?

– В том числе и его. Так вышло, что конкретно этого эксперта я знаю лично. Мы пересекались раньше. Он не без странностей, и одна из них – патологическая честность. Его нельзя подкупить, он всегда объективен. Он черным по белому написал, что убийца был один. У меня нет оснований сомневаться, что он был неправ.

– Тогда почему ты не достанешь копию этого заключения для Эмилиии? – настаивала Агния.

Даниил оглянулся по сторонам, чтобы убедиться, что близнецов поблизости нет. Несмотря на то что работающий телевизор указывал на их присутствие в гостиной, он все равно понизил голос:

– Потому что там перечислены все травмы, которые получил этот ребенок. Я надеялся и до сих пор надеюсь, что та-

кие подробности Эмилия все-таки забыла. Если она сейчас снова пройдет через все это, она может сделать шаг не в ту сторону относительно своего пограничного состояния.

– Мне кажется, ты преувеличиваешь риск... Я общалась с ней сегодня, и мне она не показалась дамочкой на грани сумасшествия...

– А ты Андрея вспомни: самые опасные психи обычно тихие.

– Не думаю, что ему понравился бы твой пример, – усмехнулась Агния. – Но и в Андрее, и в Еве все равно чувствуется определенная... ненормальность. В Эмилии такого нет.

Все-таки правильно Эмилия сделала, что не рассказала ему о своем сне. Если бы он узнал о том, что она видела мертвого сына, точно врачам бы ее сдал!

– Нет, говоришь... а знаешь ли ты, как она убила того педофила?

– Нет, – ответила Агния. – Откуда я могу знать?

– Действительно, ты не можешь, потому что ее друзья и тренер позаботились о том, чтобы это в газетах не освещалось. Но я знаю. Это было не быстро, Огонек, она подошла к вопросу... творчески. Она явилась домой к этому типу, оглушила, связала. Пока он был без сознания, поместила его в ванну с горячей водой. А когда он проснулся, вылила туда несколько бутылок чистящего средства для труб. Получился сильный растворяющий концентрат, педофил этот умер от болевого шока. Судя по показаниям соседей, слышавших

его крики, экзекуция длилась минут двадцать – по крайней мере, столько он был в сознании и все чувствовал. А Эмилия даже не попыталась ему помочь, она к тому моменту для себя все решила.

– Если ты думаешь, что я буду ее осуждать, то не дожدهшься. Она ведь сделала это не из-за того, что он не вернул ей одолженные сто рублей! Этот урод убил ее сына. И не просто убил, а... ты знаешь.

– Знаю и не осуждаю ее. Говорю же, она мне симпатична как человек. Поэтому я не хочу, чтобы она поддалась безумию. Тот поступок, правильный он или неправильный, требует особенного состояния психики. Так что у меня есть основания полагать, что Эмилию нужно беречь.

– Ее нужно не беречь, а возвращать к нормальной жизни! – Агния снова вспомнила умоляющие голубые глаза, обращенные на нее. – Может, именно это ей и нужно? Убедиться, что она отомстила всем виновным и теперь можно жить дальше? Хотя я понимаю, почему ты боишься показывать ей это заключение. Давай сделаем так... Если ты знаком с экспертом, сведи нас с ним! Пусть он на словах расскажет Эмили, что произошло с ее сыном, опуская все кровавые подробности. Я поеду с ней, чтобы убедиться, что она воспримет это правильно. Тогда вопрос будет закрыт! А то сейчас она сомневается... Это тоже нехорошо для ее психики, знаешь ли!

– Какая же ты у меня упрямая, – проворчал Даниил. –

Но... тут ты, пожалуй, права. Раз она зашла настолько далеко и отследила мою жену, настроена она решительно! Я вам устрою встречу с этим экспертом. Но если Эмилия не успокоится и после этого, ты лично поможешь мне устроить ее в психиатрическую лечебницу!

Глава 4

Судмедэксперт Андрей Макаренко не любил людей. Живых, то есть. Потому что к мертвым какие претензии? Они лежат себе тихенько, никому не мешают, не лезут с дурацкими разговорами... А живые люди – это всегда проблема.

Причем нелюбовь к людям проявилась в нем еще до выбора профессии. В общении он не нуждался, любые внешкольные мероприятия упрямо игнорировал. Родители сначала шутили, потом ругались, а под конец рыдать были готовы. Бесполезно. У Андрея не было ни друзей, ни девушек.

Он вообще не понимал, к чему этот сыр-бор с близкими людьми. Его даже родные родители раздражали! Школу он кое-как выдержал, хотя необходимость целый день встречаться с разными людьми приводила к головной боли. К выпускному классу Андрей твердо знал, что всю жизнь так прожить не сможет. Ему нужна была профессия, которая исключала необходимость много болтать, быть милым и улыбочным, чтобы преуспеть.

Так он и пришел в судебную экспертизу. В принципе, стать штатным патологоанатомом и помогать в том числе и живым людям – тоже неплохо. Но быть судмедэкспертом все же интересней.

Для Андрея это играло не последнюю роль. Добровольно лишив себя общения, он нуждался в другом способе выраже-

ния эмоций. Здесь пришлась кстати работа: ей были посвящены способности и время Макаренко. Его искренне увлекало то, что он делает.

Каждое дело было для него головоломкой. Иногда – простой до предела, и он старался избавиться от таких трупов побыстрее. Иногда – сложным многоуровневым заданием, где каждая деталь важна.

– Никогда не даешь дело побыстрее закрыть, – возмущался следователь, ненадолго спустившийся к нему в кабинет.

– Нужно работать не на скорость, а на результат, – невозмутимо отозвался Андрей.

Он уже научился общаться с людьми. На это ушло почти полвека, но – свою стратегию он выработал. Нужно просто абстрагиваться от них, терпеть, воспринимать их как тех же мертвецов, только не в меру разговорчивых.

– Там же все указывало на несчастный случай, – просто-наконец следователь.

– Там не было ничего от несчастного случая. Труп нашли в реке, а вода в легких хлорированная. Многочисленные повреждения на руках. Следы эпидермиса под ногтями. Вашу жертву утопили. Кто – ищите.

– Тут не только искать, тут документы переделывать придется...

– Это не мое дело.

Документы были еще одной сферой, в которой Андрей преуспел. Его, в отличие от коллег, бумажная волокита ни-

когда не пугала. Да, при каждом деле нужно не один лист исписать отчетами, заключениями и комментариями. Чаще всего ему приходилось оставаться ради этого после работы.

Но он никуда не спешил. Родители давно ушли из жизни, все еще с надеждой, что он обзаведется семьей. Это они напрасно. Они не могли понять, что Андрею нравится такая судьба, он, в отличие от них, не страдает, а наслаждается одиночеством. Вернулся поздно вечером, отдохнул, утром поехал на работу – мечта! На пенсию он выходить не планировал и старости не боялся.

Зато Андрей терпеть не мог выходные. Они нагоняли скуку, и, чтобы развеять ее, он время от времени писал научные труды.

Следователь забрал заключение и с недовольным видом вышел. Но покоя Андрею не было, буквально через секунду в дверь снова постучали.

– Кто? – коротко осведомился судмедэксперт.

– Андрей Андреевич, это я, – в кабинет заглянул стажер. – Можно войти?

– Заходите.

Стажеры были живыми людьми, а значит, попадали под нелюбовь Макаренко точно так же, как все остальные. Он бы с удовольствием отказался от этого не в меру жизнерадостного молодняка, да начальство не позволяло. А стажеры, наоборот, рвались к нему на практику, потому что Андрей, вопреки собственному желанию, обзавелся определенной из-

вестностью в научных кругах.

Обращался Андрей к ним исключительно на «вы», имена не запоминал и старался свести разговоры к минимуму. Но этого студента он ждал, потому что сам недавно дал ему задание.

– Нашли? – спросил Андрей. Слова он отмерял четко, в глаза собеседнику не смотрел никогда.

– Нет, – виновато ответил студент. – Там нет этого отчета...

– Должен быть.

– Его правда нет! Андрей Андреевич, разве я стал бы вам врать? Я все просмотрел, и не я один!

– Можете идти.

– Но...

– Вы свободны.

Студент ушел, убежденный, что проваленное задание скажется на его практике. Это он зря. Андрей даже не запомнил его лица.

Он не сомневался, что его практикант ошибся. Поэтому в обеденный перерыв он сам отправился искать старое дело. Сама необходимость делать это его чрезвычайно напрягала. Его вообще попросили поговорить с какими-то двумя девушками и рассказать им!

Это Андрей считал верхом наглости. Почему он должен с кем-то общаться? Однако просили влиятельные люди, и напрямую отказать им он не мог.

Поэтому он и искал теперь свои старые записи. Не потому что ничего не помнил: идеальная, компьютерная почти память была еще одним преимуществом Андрея. Просто он не хотел разговаривать. А тем более с женщинами. И тем более с двумя.

Гораздо проще дать им бумаги, пусть читают!

Но бумаг не было. Студент оказался не таким уж безмозглым, потому что сам Андрей тоже нужных документов не обнаружил. Это усугубило его и без того скверное настроение. Придется встречаться...

Последней попыткой избавиться от необходимости беседовать было время: он назначил им на вечер, как раз после смены. Причем дожидался их Андрей не в кабинете, а в рабочем зале: у него как раз имелось тело, которое требовалось осмотреть, бомж с перерезанным горлом.

Когда девушки вошли в зал, он даже не подумал прикрывать труп тканью.

– Сейчас закончу и поговорим, – бросил Андрей.

Украдкой он наблюдал за ними, ожидая увидеть как минимум смущение. Просчитался. Молодая женщина с короткими черными волосами побледнела и отвернулась. Длинноволосая шатенка и бровью не повела.

– Стеклом резали, да? – поинтересовалась она, указывая на труп. – Очень неровный разрез, точно не ножом, бутылкой, наверно. Я, кстати, Агния Вербицкая, это я просила о встрече с вами.

– Я не рад.

– Я вижу. Но, пожалуйста, потерпите, потому что ваше мнение для нас очень важно.

Насчет бутылки она, кстати, угадала. Но Андрей не собирался говорить ей об этом. Эти двое были ему не только неприятны, но и непонятны, он надеялся завершить разговор с ними как можно быстрее.

Раз труп их не пугал, оставаться здесь и дальше не имело смысла. Андрей раздраженно бросил рабочий халат на ближайший стул и повел их наверх, в свой кабинет.

Места там было немного, практически все пространство занимали полки, заставленные папками с документами. Напротив стола Андрея стоял один старый стул для гостей, второй пришлось взять из соседнего кабинета.

Девушка с длинными волосами по-прежнему вела себя очень спокойно. Ее фамилия показалась Андрею знакомой, и он почему-то решил, что она – адвокат. Ее спутница таким хладнокровием похвастаться не могла, она то и дело вздрагивала и переводила взгляд с одной полки на другую. Нервная какая!

– Мне сказали, вы хотели говорить о старом деле. Говорите. Уже вечер, я и так уделяю вам свое личное время.

– Мы очень признательны вам за это, – заверила его шатенка, представившаяся Агнией. – Мы правда не могли обойтись без этой встречи...

– Сразу к сути, – поторопил Андрей.

– Как вам будет угодно... Я понимаю, что не совсем корректно просить вас вспомнить заключение, которое вы писали больше двух лет назад...

Она действительно верит в то, что говорит? Тогда ей можно только посочувствовать. В общих чертах Андрей помнил все дела, которые вел, а некоторые еще и подробно. Два года, три года – это ничто, не срок вообще.

Вот только сформулировать это все в разговоре он не мог, не знал, как лучше. Это же женщины, им что не так скажешь, сразу скандал начнется! А разговоры на повышенных тонах Андрей не любил даже больше, чем просто встречи с живыми людьми.

Он и сейчас не смотрел на своих собеседниц. То ручку крутил, что рисовал узоры на полях блокнота, а взгляд на них не поднимал.

– Его звали Тимур Стрехов, – продолжила Агния. – Маленький мальчик, ему всего три года было...

Вторая женщина, которую ему не представили, снова вздрогнула. Ну точно, эта на грани истерики!

– Я помню его, – сообщил Андрей. – Мне сказали, ради чего вы придете. Почему ко мне?

– Следователь, который вел это дело, уволился...

– Поэтому вы решили докучать мне?

– Для нас это тоже не развлечение! – возмутилась женщина с короткими волосами. – Этот ребенок – мой сын!

– Сочувствую.

Это Андрей сказал из вежливости, на самом деле он не сочувствовал. Живых и мертвых людей он считал разными видами существ. Он никогда не воспринимал судьбу своих жертв на эмоциональном уровне, не смог бы, даже если бы очень захотел. Но ведь принято сочувствовать родственникам погибших, об этом он помнил.

– Нам нужно узнать только одно, – Агния по-прежнему сохраняла дипломатичное терпение. – Получить только одно подтверждение, и мы уйдем отсюда.

– Я слушаю. Можно без вступления.

– Нам нужно подтверждение того, что Тимур был убит одним человеком. Скажите нам, что это было так, и мы сразу же уйдем отсюда.

Они точно издеваются. Может, это все не по-настоящему? Эти девки – всего лишь бездарные актрисы, нанятые его коллегами для очередного тупого розыгрыша. Его уже не раз пытались так развести, потому что его нелюдимость напрягала многих.

Хотя нет, человек, звонивший ему по поводу этой встречи, разыгрывать не будет. Да и потом у этих, которые себя социальными и культурными считают, не принято использовать тему смерти для шуток. Почему – Андрей не понимал, ничего священного здесь нет.

– Вы не получите от меня такое подтверждение.

– Почему? – женщина с короткими волосами, предполагаемая мать жертвы, напряглась еще больше. Теперь она си-

дела на самом крае стула.

– Потому что это неправда. В отношении того ребенка было совершенно групповое изнасилование. В этом участвовали минимум двое взрослых мужчин.

– Двое? – эхом повторила за ним Агния.

Их изумление не было похоже на игру, хотя в человеческих эмоциях Андрей разбирался не лучшим образом.

– Да, двое. На это указывают полученные им травмы. В анальном...

– Давайте без подробностей! – прервала его Агния.

В этот момент ее спутница резко встала, сжала кулаки. Андрей даже на секунду испугался за свою безопасность. Но нападать на него женщина не собиралась, она направилась к выходу.

– Обсудите все без меня, – бросила она через плечо. – Нормально, в деталях. Извините, что не могу присутствовать.

– Подожди меня в машине! – Агния бросила ей ключи. – Я скоро буду!

Дождавшись, когда мать убитого мальчика уйдет, Агния снова обратилась к нему:

– Я тоже не рвусь к анатомическим подробностям, я такие вещи не смакую. Но мне важно знать, по каким параметрам вы определили, что убийц было двое.

– Они не убийцы, – уточнил Андрей. – Ребенок умер от сопутствующих травм. Это не было намеренное убийство.

– Вы его еще случайным назовите!

– Я всего лишь обозначаю вещи так, как они должны быть обозначены. Этого ребенка похитили для изнасилования – и изнасиловали. Один из сделавших это был очень неосторожен. Он не использовал никаких средств контрацепции, его биологический материал нашли сразу. Второй был более внимателен. Он использовал презерватив. Однако в итоге мне удалось найти другой образец биологического материала в...

– Я же просила без подробностей, – нахмурилась Агния. – Пожалуйста, не рассказывайте мне, что с ним делали. Мне нужно только то, что касается двух убийц.

Так ведь он и говорит то, что касается двух убийц! Женщины...

– Многие травмы указывают на то, что наносились они не одним человеком, – пояснил Андрей. – Я даже не берусь утверждать, что их точно было двое. Но двое участвовали в изнасиловании, это однозначно. Также хочу заметить, что лишь один из них обладал половым органом достаточного размера, чтобы нанести травмы, несовместимые с жизнью. И это был тот, что надел презерватив. Поэтому даже без следов спермы я бы мог сказать, что их было двое.

– Как вы вообще работаете с этим? – шокированно спросила девушка. – Даже нет... Как живете, зная, что такое происходит?

– Спокойно живу, – пожал плечами Андрей. – Меня это

не касается, я всего лишь выполняю свою работу.

– Ну да... профессиональная этика и все такое. Тогда, думаю, вам будет интересно узнать, что не все выполняют свою работу так же тщательно, как вы. Все, что вы сказали мне сейчас... это было указано в вашем заключении?

– Конечно! – рассмеялся мужчина. – Причем в полном, официальном виде, а не такими урывками, как я передаю вам!

– Тогда у меня для вас не самые вдохновляющие новости: этот отчет до судьи так и не дошел. По официальной версии, убийца был только один, Валерий Сумин. Но у Лии появилось предчувствие... Это все неважно. Спасибо, что согласились поговорить с нами. Вы нам очень помогли.

Чувствовалось, что она подавлена чем-то – и даже не самым убийством. А ведь действительно, почему-то они пришли к нему два года спустя!

Но Андрея сейчас интересовало не это. Он чувствовал, как закипает в нем ярость. Кто-то решился подделать его отчет? Неслыханная наглость! Работа была единственным, что он ценил в этой жизни, и он не собирался никому позволять манипулировать своим честным именем!

Хотя если задуматься, подделать его заключение как раз несложно. Передавая документ следователю, Андрей просто забывал об этом деле. Он не интересовался приговором, не смотрел криминальные новости, где освещались самые скандальные суды. Ему было плевать; и теперь он поплатился за

это.

Все равно, первое время он отказывался верить. Когда Агния наконец ушла, он снова занялся поисками. В здании почти никого не было, ночные дежурные смотрели на него то ли с подозрением, то ли с опаской. А он тратил час за часом на бесполезные поиски.

Домой Андрей вернулся глубоко за полночь, но вместо того, чтобы лечь спать, полез в Интернет. Он знал, что такие дела, как убийство и изнасилование ребенка, всегда привлекают журналистов. И точно, дело Тимура Стрехова без внимания не осталось.

Агния сказала все верно. Был только один обвиняемый, Валерий Сумин. Второго никто и не думал искать.

Оставить все как есть Андрей, конечно, не мог. Не ради мальчика. Этот мальчик для него был очередным телом на столе. Не ради его матери, она и вовсе Андрею не понравилась. Ради справедливости! Должно же в этом мире быть что-то стабильное, поддающееся контролю?

На следующий день, несмотря на бессонную ночь, Макаренко на работе появился вовремя. И о том, что произошло с заключением, скоро знали все, кто находился рядом. Обычно неразговорчивый Андрей рвал и метал. Подделка заключения – это же за гранью! Дело должно быть рассмотрено заново! И очень важно найти того, кто это сделал!

Впрочем, до звонков важным людям и письменных заявлений Андрей пока не дошел. Ему важно было убедиться,

что он не допускает ошибку. Если он настоит на своем, а окажется, что журналисты и эти девицы допустили ошибку, это будет чудовищный удар по его репутации.

Так что вслух Андрей возмущался, но ничего писать даже не думал. Весь день он провел в разъездах: просматривал архивы. Зато к вечеру он точно знал, что ошибки нет, есть преступление.

К его большому сожалению, рабочий день уже закончился. Таких энтузиастов, как он, было немного, он был вынужден ждать, чтобы обратиться к руководству официально. Макаренко направился домой, вспомнил, что лифт с утра был остановлен для ремонта, расстроился еще больше. Большое дело – на шестой этаж пешком тащиться!

Уже в подъезде выяснилось, что трудоголизмом страдает не только он. С лифтом все еще возились: кабина стояла на первом этаже, в ней что-то подкручивали два молодых парня.

– Скоро заработает? – без особой надежды поинтересовался Андрей.

– Пять минут – и все! – широко улыбнулся один из ремонтников.

Странные они какие-то... Воодушевленные, как менеджеры в дорогом магазине, пытающиеся продать ему какую-нибудь ненужную ерунду.

Весь этот очевидный позитив раздражал, и Андрей с удовольствием пошел бы по лестнице, но ноги протестовали

против такого решения. Он сегодня ходил больше, чем обычно, для него это было несвойственно. Он решил подождать.

– Трудный день? – спросил работник, распутывавший грязную промасленную веревку.

Светские беседы – отвратительное изобретение общества. С чего он должен отчитываться какому-то работяге, как прошел его день? Поэтому Андрей лишь кивнул, очень сдержанно, чтобы стало очевидно его нежелание общаться.

– Так бывает! Особенно когда заданий много... Или когда лишнего себе берешь. Люди странные пошли: мало им своих дел, так они еще в чужие лезут.

– Простите? – смутился Андрей.

Он был готов поклясться, что ремонтник этот смотрит на него странно, с враждебностью. Но такого не может быть! Должно быть, это сказываются усталость и переизбыток общения.

Тем более что второй мастер толкнул своего говорливого напарника в бок.

– Не обращайтесь на него внимания! Мы уже закончили, нам нужно только проверить верхнюю часть шахты с чердака. Заходите, теперь ехать безопасно.

Ехать в тесной кабине лифта с посторонними было для Андрея особым видом пытки. Он утешил себя тем, что так все закончится быстрее, и не стал отказываться. Ремонтники прошли в глубь лифта, он стал у двери.

Тогда все и случилось. Тот, что говорил с ним дольше,

вдруг выбросил вперед петлю из той самой промасленной веревки. Рывок – и петля затянулась на шее Андрея; он инстинктивно вскинул к ней руки, пытаясь убрать удавку, но было уже поздно, пальцы соскальзывали.

Второй ремонтник резко толкнул Макаренко вперед, так, что тот оказался за пределами кабины. В этот момент двери закрылись, и лифт начал подниматься.

Они не должны были закрыться! Потому что петля все еще была на шее у Андрея, а другой конец веревки – в руках у незнакомцев. Почему двери закрылись? Это невозможно! Но, судя по натяжению, которое почувствовал Андрей, все происходило именно так.

Он был не в состоянии понять, как это случилось. В голове проносились сотни мыслей, интеллект сейчас не помогал, а воздуха оставалось все меньше. Он наконец догадался, что нужно крикнуть, позвать на помощь – и уже не смог. Из горла вылетел только жалкий сдавленный хрип.

А секундой позже его ноги оторвались от пола...

Глава 5

Лия еще не определила для себя, как реагировать на сложившуюся ситуацию.

С одной стороны, слова эксперта заставили Агнию поверить ей. С этим делом точно что-то не так, раз правду скрыли! Причем сделали это очень умело, на официальном уровне... Кто, как – вообще непонятно. Но можно в этом разобраться! Чувствуется, что Агния заинтересовалась, а у нее связи есть, да и опыт имеется...

С другой стороны, произошедшее доказывало, что ребенок, которого она видит, – не просто галлюцинация. А что – Лия не знала. Она не хотела верить в призраков, отказывалась просто, а по-другому объяснить фигурку, то и дело появляющуюся прямо перед ней, не могла.

– Мама...

Ну вот опять! Опять он это делает! Лия не видела его отражения в зеркале там, откуда доносился голос. Это к лучшему. Она не хотела больше видеть, заставила себя не реагировать. Женщина продолжила красить ресницы.

Впервые с момента гибели Тимура ей было не все равно, как она выглядит. Не потому что она вдруг заинтересовалась жизнью и хотела быть привлекательной. Просто Лие необходимо было производить впечатление солидности, чтобы с ней желали говорить.

– Мама... Ты больше меня не любишь?

Сердце болезненно кольнуло. Сколько бы она ни убеждала себя, что это не ее сын, сколько бы ни ссылалась на доводы разума, полностью отстраниться от него не получалось. Это ведь был Тимур, его голос и глаза его!

– Что ты хочешь? – она резко повернулась к нему, чуть не выронив тубик с тушью. – Что ты еще хочешь от меня? Я ищу тех, кто тебя убил! Понял? Уже ищу...

Она пробовала спрашивать его напрямую, кто убил его, как это произошло, и не раз. Он никогда не отвечал. То взгляд отводил, то вообще выходил из комнаты и молчал.

Лия все равно не сдавалась. Она должна была добиться правды, если не ради этого призрака, то ради настоящего Тимура, который когда-то был в ее жизни!

– Я хочу, чтобы ты меня не забывала...

– Я не забуду, – прошептала Лия. – Но... не приходи больше!

Все-таки потекла тушь. Придется все смывать и начинать сначала.

Тем не менее на встречу она приехала вовремя. Для Лии это было важно, она безумно боялась потерять доверие Агнии, чем-то спугнуть ее интерес. Что у нее тогда останется? У нее таких друзей нет... вообще никаких уже нет. Одно то, что Агния согласилась помогать ей, можно назвать чудом.

Но даже на фоне всего этого Лия не готова была признать-ся ей в том, что видит. Она надеялась, что призрак просто

исчезнет... он ведь и так не настоящий, не может быть настоящим!

Она уже знала о том, что Андрей Макаренко погиб. Агния рассказала ей об этом. Вроде бы речь шла о несчастном случае, но... очень уж «удачно» все совпало по времени! Как только принципиальный эксперт начал разбираться, кто скрыл его заключение, его жизнь оборвалась. Бывают ли такие совпадения?

Еще утром Агния пообещала раздобыть дело того урода, которого убила Лия. Сама Лия тогда не вдавалась в подробности, не собирала о нем факты. Ей важно было знать, что это он, чувствовать это, чтобы решиться на тот шаг. Да и сейчас она не рвалась познакомиться с его жизнеописанием. Однако это вдруг стало необходимостью. Он погиб, но... сообщник мог остаться.

Они встретились в небольшом кафе в центре города. Когда Лия добралась туда, Агния уже ждала ее за столиком. Перед девушкой не было никаких бумаг, зато она просматривала изображения на планшете. Это несколько огорчало.

– Как ты? – спросила Агния.

– Хорошо... Даниил Владиславович не смог получить это дело, да?

– Да конечно... Если Даниил Владиславович хочет что-то получить, беда тому, кто не хочет это отдавать! Другой вопрос, что он устроил мне всестороннюю критику за мой интерес к этому делу.

– Мне жаль, что вы из-за меня ссоритесь...

– Ой, да перестань, – беззаботно отмахнулась Агния. – Это и ссорой назвать нельзя. Так, творчески поспорили, даже азарт определенный отношениям придает. Дани считает, что интерес к таким вещам негативно на меня влияет.

– А разве не так?

– Может, конечно. Но надо уметь абстрагироваться, а я умею. Мне приходилось сталкиваться и с психами, и с вполне вменяемыми убийцами, которым на чужую жизнь просто плевать. Но это вовсе не значит, что я возьму и стану такой же! Я не принимаю все это близко к сердцу, знаю, что могу кому-то помочь, и это спасает. Да и Дани это все понимает, поэтому ограничивается простым бурчанием.

Слушая ее, Лия невольно подумала, что именно о таких отношениях она когда-то мечтала сама. Не идеальный принц, который молча засыпает ее розами, а человек, способный понять ее. Ей казалось, что такой человек нашелся...

Видно, она не из тех, у кого получается быть счастливыми в личной жизни. На этом Лия предпочитала ставить точку и больше не мучить себя размышлениями.

– Кстати, Дани сразу заметил, что в этом деле много косяков, – продолжила Агния. – Очевидно, некоторые заключения вилами по воде писаны, кое-какие документы подделаны, но подделаны хорошо. Кто бы ни занимался этим, у него был неслабый бюджет!

Это и так понятно, раз он ушел безнаказанным! На тот

момент ходили слухи, что и Сумин сможет оправдаться... Но Лия не допустила этого.

– Известно, кто мог сделать это? – спросила Лия. – В смысле, запутать расследование?

– Если бы это было известно, мы бы тут уже ничего не обсуждали, а упрашивали Дани устроить нам допрос подозреваемого! Нет, такие люди на пустом месте не попадают-ся, они умеют заметать следы. Зато ясно, кто был нанятым исполнителем. Олег Леденин.

– Следователь?

– Он самый, – кивнула Агния. – Тот еще служитель закона был... Жалобы на него регулярно поступали, работал нагло, но умно, поэтому на взятках не попадался. Отличался скорее смекалкой, чем высоким интеллектом, знаешь, бывают такие мужички: мерзкий, всех раздражает, а ничего с ним не сделаешь.

– Почему его вообще поставили расследовать такое дело?

Здесь Лия не могла скрыть горечь, да и не пыталась. Это же убийство ребенка! Если все знали, что следователь нечист на руку, то как можно было доверить ему подобное расследование? Надеялись, что у него совесть проснется? Не просыпается то, чего нет.

– Насколько я поняла, у него какая-то родня имелась в кругах руководства. Не сильно покровительствующая, но достаточная для того, чтобы он не сидел на карманных кражах. Так вот, подозреваемый появился сразу, Валерий Су-

мин... ты знаешь. Но и его Леденин мог попытаться оправдать, на это косвенно указывает то, как он начал оформлять дело.

Лия не была шокирована, память ее не подводила. Она и сама чувствовала, что Сумин попытается уйти. Как он это сделает с юридической точки зрения – девушку не интересовало, она была не в том состоянии, чтобы анализировать ситуацию. Лия только знала, что не хочет для него стандартного наказания. Даже если его посадят в тюрьму, этого слишком мало. Он должен испытать то, через что прошел Тимур... и она это обеспечила.

– Значит, ему платил сам Сумин? – предположила Лия.

– Это был бы очевидный вариант, но я в нем сильно сомневаюсь. Потому что после того, как ты... ну... в смысле...

Агния замялась, смотрела на нее испытующе, явно не зная, оскорбит она сейчас очевидным или нет. Лия только усмехнулась:

– Можешь смело называть вещи своими именами. Я убила Сумина. Так что там было после того, как я убила Сумина?

– Твою честность и открытость я ценю, но ты хоть не кричи об этом! – Агния украдкой указала на людей, косящихся в их сторону. Впрочем, интерес других посетителей кафе быстро угас. Должно быть, они решили, что девушки просто обсуждают фильм – не были они похожи на тех, кто всерьез способен говорить об убийстве! – После того как ты убила Сумина, поведение Леденина кардинально поменялось.

Он начал собирать доказательства того, что это сделал именно Сумин. Доказательств, кстати, было много, Сумин вообще обнаглел. При этом старательно подчеркивалось то, что Сумин был психом-одиночкой, асоциальным типом, лишенным друзей. Лично меня это напрягает.

– Меня в этой истории много что напрягает. Все и перечислять не буду.

– И не надо, слушай, что дальше было! После того как дело об убийстве твоего сына было закрыто, Леденин проработал в полиции где-то месяц. Думаю, для отвода глаз, потому что коллеги помнят: он не напрягался, вел себя отвязно и разве что начальству в чай не плевал. Когда он уволился, его никто особо не держал. А он вскоре открыл свое дело.

И снова Лия не почувствовала никакого удивления:

– Еще бы он не открыл! Думаю, денег у него хватало.

– Нормально у него все было. Он занимался прокатом машин. Бывшие коллеги из полиции говорили, что он всегда был на тачках помешан. Кстати, бизнесмен из него оказался никудышный. Он не мог найти толкового бухгалтера, не умел привлекать клиентов и теоретически должен был не вылезать из долгов. А в реальности дела обстояли по-другому, деньги у него водились всегда.

А вот это известие уже заставило Лию изумленно приподнять брови. На деньги, полученные в качестве откупа по делу, Леденин мог открыть бизнес – и скоро прогорел бы. Друзей в полиции у него не осталось, не тот человек, что-

бы кто-то захотел помогать ему, значит, исключается и вариант высокого покровительства. Поддержала высокопоставленная родня? И снова вряд ли, если бы у них водились такие финансы, Леденин ушел бы в бизнес с самого начала.

Выходит, кто-то продолжал ему исправно платить. Но кто? И за что? Он уже не был полицейским, не мог никого прикрывать!

– Нужно поговорить с этим Ледениным! – заявила Лия. – Думаю, он шантажировал человека, который был сообщником Сумина!

– А вот я так как раз не думаю. Настолько влиятельный и беспринципный тип убил бы его сразу. Нет, Леденин что-то делал, и за это ему платили. Вопрос: что?

– Ты этот вопрос не мне задавай, а ему! Неужели у Даниила Владиславовича нет никакой возможности вызвать его на допрос?

– Нет, поскольку Даниил Владиславович – не экстрасенс, – вздохнула Агния. – И слава богу, с ним и так тяжело общаться! Олег Леденин умер примерно полгода назад. Повесился во дворе собственного дома. Его нашли соседи, рядом обнаружили записку со словами «Я так больше не могу». Вроде бы почерк его, оснований сомневаться в том, что это действительно самоубийство, не было: он довольно много выпивал, повесился тоже пьяным.

И на этом история обрывалась. Это было настолько не к месту, несправедливо, что Лия поверить не могла! Что им

теперь делать? Нет, конечно, остается официальное дело Сумина. Но там четких ответов точно нет! А Леденин наверняка знал того самого сообщника...

Погруженная в свои мысли, Лия не сразу обратила внимание на маленькую фигурку, остановившуюся у их столика. Решила – чей-то ребенок гуляет, сейчас постоит и дальше пойдет.

Оказалось, ребенок уже пришел, куда хотел...

– Мама, вы должны поехать туда...

– Что? – непонимающе посмотрела на него Лия.

При его появлении уже не шел мороз по коже. И это привыкание Лие совсем не нравилось.

– Вы должны ехать туда, – пояснил Тимур. – Где он был мертвый... Там что-то есть, я чувствую!

Тут Агния снова привлекла ее внимание:

– Ты про что спросила?

– А, это я так... Сама себе.

Лия перевела взгляд на собеседницу, а когда вновь захотела посмотреть на Тимура, его возле столика уже не было. Женщина поймала себя на мысли, что почти сожалеет об этом.

– Нам нужно осмотреть то место, где он умер! – твердо произнесла Лия. И, как оказалось, слишком громко, потому что на них снова начали оборачиваться.

– Я тебя прошу, потише... Ценю решительность, но ты хоть здравый смысл не исключай! Такой возможности у нас

могло и не быть. Например, московскую квартиру Леденина уже активно делят между собой наследники, там из его вещей ничего не осталось.

– Но ты сказала, что повесился он не в квартире...

– На нашу удачу, если можно так сказать. У Леденина в собственности еще был участок под Владимиром. Домишко там – дрянь, сарай просто, если судить по фото. Но земли много. На это место пока никто не позарился, так что... если там не повозились мародеры, у нас есть шанс что-нибудь обнаружить, и довольно приличный, потому что никто самоубийство толком не расследовал. Выезжаем завтра утром, сегодня не могу: Дани не поймет, если я ночами буду по местам преступления шляться.

– Ты серьезно?

Когда первый пыл угас, пришел шок. Агния не должна была заходить так далеко! Одно дело – пообсуждать что-то в теории, за чашечкой кофе, другое – взять и поехать на место преступления, и не такого уж давнего. Но сама Агния, похоже, не видела в этом ничего сверхъестественного.

– А что такого? Не так уж далеко!

– Я не об этом! Это же... ну... опасно?

– Не думаю. Если бы я считала, что это опасно, я бы не поехала. У меня двое детей – мне что их, на попечение Дани оставлять? Они тогда мангустами вырастут!

Двое детей... Лия никогда не спрашивала, сколько у Вербицких детей. К слову не приходилось, в газетах же просто

писали, что они есть. А значит, их двое. Один, может, мальчик. Или два мальчика. Агния и Даниил молодые, дети у них определенно маленькие, могут быть на Тимура похожи...

Лия отогнала эти мысли усилием воли. От них становилось не по себе.

– Поедем завтра, – заключила Агния. – Я заскочу за тобой... Дани, скорее всего, говорить не буду, а то он нам охранника на хвост посадит. Но... ты ведь знаешь, что в доме Леденина может не быть ничего связанного с твоим сыном?

– Я знаю. Но мы должны проверить.

Потому что сам Тимур так хочет. Но этого Лия озвучивать не стала.

– Вот тут все, что было в официальном деле, – Агния протянула собеседнице флешку. – Фотографии и сканы, конечно, нелегальные, но нам с тобой это и неважно. Посмотри на досуге... Хочешь, вместе посмотрим?

– Не нужно, ты и так слишком много времени проводишь со мной! Я справлюсь.

Здесь Лия не бравировала, она действительно была уверена, что справится. На нее давила неизвестность. А прошлое... После того как она держала на руках мертвое тело сына, Лия не боялась уже ничего.

Так что, вернувшись домой, она скачала файлы на свой компьютер.

– Мама, ты хочешь пить, – Тимур сидел на подоконнике

и болтал ногами. – Сделай себе чай, потом смотри это.

Он был прав, Лия действительно вдруг почувствовала жажду.

– Ты что-то делаешь со мной? – насторожилась она. – Можешь влиять на меня?

– Мама, ты что! – рассмеялся мальчик. – Я просто знаю тебя. А меня и нет ведь... Как я могу на тебя влиять?

– Никак... – еле слышно проговорила она.

Слезы обожгли глаза, а это было ей совсем не нужно сейчас. Чтобы отвлечься, Лия приступила к изучению файлов.

Валерий Сумин не представлял собой ничего особенного – по крайней мере, в положительном смысле. Выдающихся достижений у него не было, но не было и тех обстоятельств, которые киношники так любят приписывать жизни маньяков. Он родился в обычной семье среднего достатка, у интеллигентных родителей и не заявлял о том, что его бил отец и унижала мать. Его любили, о нем заботились. Он казался обычным, средненько учился, ничем особенно не увлекался...

А в четырнадцать лет изнасиловал соседского пятилетнего малыша. Он был неопытен, да и далек от той жестокости, которой достиг перед смертью, поэтому его жертва не получила серьезных травм. Физических. О психологических последствиях и говорить не приходится.

Тогда Валерия пожалели. Пошли обычные аргументы: он всего лишь мальчишка, зачем ему жизнь ломать, у него еще

все впереди. Малолетку отправили в специнтернат. Его родители поднакопили денег, заплатили кому надо, и на свободу Валерий вышел уже через год. Естественно, на прежнем месте семья не осталась, они переехали в другой район, Сумин сменил школу.

Его родные хотели верить, что жизнь налаживается, кошмар и позор больше не вернутся. Они рано расслабились. Его второй жертвой стала семилетняя девочка. Он мог убить ее – но тогда не сумел, и она рассказала все полицейским. Суд счел данный факт смягчающим обстоятельством, а Валерий – своей ошибкой, которую он решил не повторять.

Сумин получил пять лет и весь срок отсидел, потому что кротостью не отличался. Когда он вышел на свободу, за ним стали наблюдать, потому что ждали рецидива. Не без оснований, потому что добропорядочным гражданином он так и не стал. Валерий жил замкнуто, работал из дома, ни с кем не общался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.